

ШКОЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА
УКРАИНСКОЙ И ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Александр
ДЮМА

ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ,
или ВИКОНТ де БРАЖЕЛОН

В трех томах

Том 3

Харьков
«Фолио»
2017

I

ТУТ СТАНОВИТСЯ ОЧЕВИДНЫМ, ЧТО ЕСЛИ НЕЛЬЗЯ
СТОРГОВАТЬСЯ С ОДНИМ, ТО НИЧТО НЕ МЕШАЕТ
СТОРГОВАТЬСЯ С ДРУГИМ

Арамис угадал: выйдя из отеля на площади Бодуане, герцогиня де Шеврез приказала ехать домой.

Она, несомненно, боялась, что за ней следят, и хотела таким способом отвести от себя подозрения. Однако возвратившись к себе и удостоверившись, что никто за нею не следует, она велела открыть калитку в саду, выходящую на другую улицу, и отправилась на улицу Круа-де-Пти-Шан, где жил Кольбер.

Мы уже упоминали, что наступил вечер, — правильнее сказать, ночь, и притом непроглядная. Притихший Париж обволакивал снисходительной тьмой и знатную герцогиню, вовлеченную в политическую интригу, и неизвестную горожанку, возвращавшуюся после ужина в городе под руку со своим любовником самой длинной дорогой под супружеский кров. Г-жа де Шеврез за долгую жизнь привыкла к тому, что можно назвать «ночной политикой», и ей было отлично известно, что министры никогда не избегают, даже у себя дома, молодых и прелестных женщин, презирающих пыль служебных канцелярий, а также пожилых и многоопытных дам, не доверяющих нескромному эху министерств.

У подъезда герцогиню встретил лакей и, по правде сказать, довольно неучтиво. Он позволил себе заметить, рассмотрев посетительницу, что в такой поздний час и в таком преклонном возрасте не пристало отрывать г-на Кольбера от трудов, которым он предается перед отходом ко сну.

Но герцогиня де Шеврез, не проявляя гнева, написала на листке, вырванном из записной книжки, свое имя, не раз неприятно поражавшее в былые времена слух Людовика XIII и великого кардинала.

Она начертила его крупным и небрежным почерком, принятым среди знати, сложила бумагу особым, ей одной свойственным образом и вручила лакею без единого слова, но с таким величавым видом, что этот прожженный плут, привыкший чутя господ, признал в ней знатную даму, поклонился и немедля отправился с докладом к Кольберу.

Можно не добавлять, что, вскрыв записку, министр не удержался от легкого восклицания, и этого лакею было достаточно, чтобы понять, насколько серьезно следует отнестись к таинственной гостье: он пустился бегом за герцогиней.

Она довольно тяжело поднялась на второй этаж красивого нового дома, задержалась на мгновение на площадке, чтоб отдышаться, и вошла к Кольберу, который собственноручно распахнул перед ней створки дверей.

Герцогиня остановилась на пороге, изучая того, с кем ей предстояло вести дело. Тяжелая, крупная голова, густые брови, неприветливое лицо, как бы придавленное ермолкой, вроде тех, какие носят священники, — все это с первого взгляда внушило ей мысль, что переговоры не составят особого труда, а спор по тем или иным частным вопросам будет лишен всякого интереса, ибо такая грубая натура, скорее всего, малочувствительна к утонченной лести и обладает ненасытным честолюбием.

Но когда герцогиня взгляделась в маленькие черные, пронизывающие насквозь глаза министра, заметила продольную складку на суровом выпуклом лбу, едва приметное подергивание губ, которые лишь на крайне поверхностных наблюдателей производили впечатление добродушия, она изменила свое мнение о Кольбере и подумала: «Вот тот, кого я искала».

— Чем обязан чести вашего посещения, сударыня? — осведомился интендант финансов.

— Нужда, сударь, которую я испытываю в вас, а вы — во мне.

— Счастлив, сударыня, выслушать первую часть вашей фразы; что же до второй ее части...

Г-жа де Шеврез села в кресло, которое ей пододвинул хозяин.

— Господин Кольбер, ведь вы интендант финансов?

— Да, сударыня.

— И конечно, хотели бы стать суперинтендантом, не так ли?

— Сударыня!

— Не отрицайте: это затянет наш разговор и ни к чему не приведет, а потому бессмысленно.

— Но, сударыня, несмотря на мое искреннее желание доставить вам удовольствие, несмотря на учтивость, которую я обязан проявлять к даме вашего положения, ничто не могло бы заставить меня признаться, будто я претендую на место моего начальника.

— Я вовсе не говорила о том, что вы претендуете на место своего начальника, сударь. Неужели я нечаянно произнесла это? Не думаю. Впрочем, слово «заменить» звучит менее жестко и грамматически более уместно, как говаривал господин Вуатюр¹. Итак, я утверждаю, что вы хотели бы заменить господина Фуке.

— Но фортуна господина Фуке, сударыня, всемогуща перед любым испытанием. Суперинтендант — это Колосс Родосский² нашего века: корабли проплывают у него под ногами, но он даже не замечает их.

— Я бы тоже охотно воспользовалась этим сравнением. Да, господин Фуке похож на Колосса Родосского; но, мне помнится, я слышала, как рассказывал господин Конрар... кажется, академик... что, когда Колосс Родосский упал, купец, который свалил его... простой купец, господин Кольбер... нагрузил обломками статуи четыре сотни верблюдов. Купец! А ведь ему далеко до интенданта финансов.

— Сударыня, могу вас уверить, что я никогда не одолею господина Фуке.

— Ну, господин Кольбер, если вы упорствуете и продолжаете играть со мной в прятки, как будто не зная, что меня зовут госпожой де Шеврез, иначе говоря, не отдавая себе отчета в том, что вы имеете дело с женщиной, которая выступала против кардинала Ришелье и у которой не остается времени, чтобы терять

¹ Вуатюр Венсан (1598—1648) — представитель салонной литературы, один из первых членов Французской академии.

² Колосс Родосский — исполинская статуя бога Аполлона, поставленная в гавани острова Родоса в 280 г. до н. э.; между ногами статуи, опирающимися на два противоположных берега, проходили корабли; была разрушена землетрясением.

его попусту, если вы допускаете подобную неосмотрительность, я найду людей более проникательных и более заинтересованных в том, чтобы добиться удачи.

— В чем же, сударыня, в чем?

— Вы заставляете меня быть низкого мнения о нынешних людях, сударь. Клянусь вам, если бы в мое время какая-нибудь дама явилась к господину де Сен-Мару, который, впрочем, не был семи пядей во лбу, клянусь вам, если бы она упомянула о кардинале все то, что я только что поведала вам о господине Фуке, де Сен-Мар уже начал бы действовать.

— Но будьте снисходительнее, сударыня.

— Значит, вы согласны заменить господина Фуке?

— Если король уволит его, разумеется.

— Снова вы говорите лишнее. Поскольку вы не добились отставки суперинтенданта, значит, не могли этого сделать. Поэтому я была бы круглой душой, если б, идя сюда, не имела необходимых фактов.

— Я в отчаянии, что вынужден упорно стоять на своем, — произнес Кольбер после молчания, которое позволило герцогине оценить всю его скрытность, — но я должен поставить вас в известность, сударыня, что вот уже добрых шесть лет на господина Фуке поступает донос за доносом, а положение суперинтенданта по-прежнему прочно.

— Все мое время, господин Кольбер; разоблачившие господина Фуке не носили имени де Шеврез и не имели в своем распоряжении доказательств, содержащихся в шести письмах кардинала Мазарини, неопровержимо устанавливающих правонарушение, которое я имею в виду.

— Правонарушение?

— Преступление, если это слово вам более по душе.

— Преступление? Совершенное господином Фуке?

— Вот именно... Странно, господин Кольбер, странно: у вас обычно такое холодное и непроницаемое выражение лица, а сейчас, я вижу, вы прямо сияете.

— Преступление?

— Я в восторге, что это слово произвело на вас нужное впечатление.

— О, сударыня, ведь оно включает в себе столь многое!

— Да, оно подразумевает суперинтендантство для вас и изгнание для господина Фуке.